

БЕТ О'ЛИРИ

БЕТ О'ЛИРИ

КВАРТИРА
НА
ДВОИХ



Издательство АСТ
Москва

Посвящается Сэму

ФЕВРАЛЬ

1. Тиффи

И все-таки даже у отчаяния есть плюсы: оно заставляет по-новому взглянуть на мир.

Квартирка не так и страшна. Плесень на кухонной стене можно отскрести. Новый матрас, взамен здешнего, замызанного, обойдется недорого. А грибы, растущие за унитазом, определенно создают ощущение свежести, как в лесу.

Мо и Герти, однако, безысходностью не страдают и мириться с увиденным не хотят. Выражение их лиц я бы назвала «ошалелым».

— Здесь жить нельзя!

Это Герти. Она стоит, плотно сдвинув ноги в ботинках и прижав руки к бокам, словно в знак протеста решила занять как можно меньше места. Волосы стянуты на затылке в «бублик» и заколоты невидимками, специально под адвокатский парик. Наблюдать за ней было бы довольно смешно, если бы речь не шла о моих собственных планах.

— Наверняка можно найти еще что-нибудь недорогое, Тифф, — озабоченно говорит Мо, объявившись после осмотра чулана с бойлером. Вид у Мо взъерошеннее обычного, чему весьма способствует паутина на его бордке. — Эта еще хуже той, что мы смотрели вчера вечером.

Оглядываюсь на риэлтора; к счастью, тот не слышит, ибо курит на «балконе» — просевшей крыше соседского гаража, явно не предназначенной для прогулок.

— Я больше никакие гадюшники смотреть не собираюсь, — заявляет Герти, бросая взгляд на часы.

Уже восемь, а к девяти ей надо в уголовный суд в Саутарке.

— Должно быть другое решение, — добавляет она.

— Может, все-таки потеснимся и возьмем ее к нам? — предлагает Мо в пятый раз с субботы.

— Прекрати, ей-богу! — не выдерживает Герти. — Это не выход. К тому же ей пришлось бы спать стоя — у нас просто нет места. — Смотрит на меня с некоторым раздражением. — И чего ты такая дылда? Не вымахала бы метр восемьдесят, положили бы тебя под обеденным столом.

Я корчу виноватую мину, хотя, по правде говоря, лучше остаться здесь, чем переехать в крошечную и сумасшедше дорогую квартиру, которую Герти и Мо сняли на двоих в прошлом месяце. Они никогда не жили под одной крышей, даже в университете. Боюсь, теперь их дружбе придет конец. Мо неряшлив, рассеян и, несмотря на тщедушное телосложение, обладает исключительной способностью заполнять собой все имеющееся пространство. Герти, напротив, последние три года прожила в квартире сверхъестественно чистой — безукоризненной, как на картинке. Как бы наложение двух таких диаметрально противоположных стилей не привело к взрыву и не обрушило к чертям собачьим весь Западный Лондон.

Главная же загвоздка в том, что, если уж спать по чужим углам, вполне можно вернуться и к Джастину. Хотя с одиннадцати вечера этого четверга я твердо решила: такой опции нет. Нужно жить дальше и, дабы сжечь мосты, — найти постоянное жилье.

Мо потирает лоб и садится на заляпанный кожаный диван.

— Тифф, давай я одолжу тебе...

— Не надо ничего одалживать! — произношу я резко, чем хотела. — Слушайте, мне надо определиться на этой неделе: или жить здесь, или снимать на пару с кем-то.

— В смысле спать с кем-то в одной койке? — иронизирует Герти. — А можно узнать, с чего такая срочность? Нет, я рада, только, помнится, в прошлую нашу встречу ты никуда переезжать не собиралась и ждала, когда же соизволит наконец появиться тот, чье имя нельзя упоминать...

Вздрагиваю от удивления. Не из-за сарказма — им обоим Джастин никогда не нравился, и они злятся от того, что я до сих пор у него живу, хотя и знают, что он домой почти не заглядывает. Просто необычно, что Герти заговорила о нем напрямую. Последний примирительный ужин на четверых закончился жутким скандалом, и я бросила затею всех подружить, вовсе перестав упоминать Джастина в присутствии Герти и Мо. Привычка — вторая натура, и, даже когда мы разошлись, тема оставалась табу.

— И почему ты ищешь что-то настолько дешевое? — не унимается Герти, игнорируя встревоженный взгляд Мо. — Я знаю, зарплата у тебя нищенская, но, честно, Тиффи, четыреста фунтов в месяц для Лондона — нереально.

Сглатываю, чувствуя на себе внимательный взгляд Мо. Вот и заводи себе друзей-психотерапевтов: Мо — дипломированный «телепат» и, видимо, никогда не включает свои сверхспособности.

— Тифф... — мягко произносит он.

Все, с меня хватит! Ничего не попишешь, придется показать им сообщение. Лучше быстро и сразу — как сорвать пластырь с раны.

Достаю телефон и открываю «Фейсбук».

Тиффи,

вчера вечером ты меня серьезно разочаровала. Абсолютно неадекватное поведение. Это моя квартира, Тиффи, и я могу приходить сюда когда и с кем хочу.

Вообще, сказала бы спасибо, что тебя отсюда не попросили. Я знаю, наш разрыв больно по тебе ударил, и ты пока не готова съехать. Но если ты вообразила, что можешь «устанавливать правила», то будь добра, заплати мне за последние три месяца. И впредь рассчитывайся по полному тарифу. Патрисия говорит, что ты села мне на голову — живешь практически бесплатно. До сих пор я всегда тебя защищал, а после вчерашнего цирка начинаю думать, что она права.

Джастин

Когда перечитываю «села мне на голову», сердце щемит, — я вовсе не хотела такого, просто не осознавала, что на сей раз он ушел по-настоящему.

Мо дочитывает первым.

— Он что, снова «забегал» в четверг? С Патрисией?

Отвожу взгляд.

— В чем-то он прав. Живу у него который месяц...

— Странно, — хмурится Герти, — у меня всегда было ощущение, что ему такое положение вещей нравится.

В ее устах это действительно звучит странно. Да я и сама так думала. К тому же в четверг я наконец познакомилась с Патрисией... Красивой и очень милой девушкой, ради которой Джастин меня бросил. До нее других женщин не возникало.

Мо берет меня за руку, Герти — за другую. Мы стоим, не обращая внимания на риэлтора, который курит за окном, и на секунду я даю волю чувствам — по щекам скатываются две крупные капли.

— В любом случае мне пора съезжать, — заявляю я, бодрясь. Высвобождаю руки и вытираю слезы. — И как можно скорее. Если бы даже я осталась, рискуя, что Джастин снова приведет Патрисию, на аренду мне не хватит, а я должна ему кучу денег и категорически не хочу занимать. Достало жить за чей-то счет, честно. Поэтому... да: или здесь, или снимать с кем-то на двоих.

Мо и Герти переглядываются. Герти на секунду закрывает глаза, нехотя уступая.

— Что ж, здесь жить точно нельзя... Покажи еще раз объявление.

Я открываю объявление и протягиваю ей телефон.

Солнечная квартира в Стоквелл, одна двуспальная кровать. Триста пятьдесят фунтов в месяц, включая коммунальные. Заезд — в любое время. Минимальный срок — шесть месяцев.

О себе: двадцать семь лет, ночные смены в хосписе, всегда уезжаю на выходные. Дома понедельник — пятница с 9:00 до 18:00. Остальное время квартира полностью в вашем распоряжении! Идеальный вариант для работающих с девяти до пяти.

Заинтересовавшихся прошу звонить Л. Туми. Координаты — ниже.

— Это же не просто жить в одной квартире, а еще и спать в одной кровати! Это дико, Тифф, — озабоченно замечает Мо.

— А что если Л. Туми — мужчина? — добавляет Герти.

К такому вопросу я подготовилась.

— Неважно, — отвечаю невозмутимо. — Мы никогда не окажемся в одной кровати вместе. Да и в квартире, если на то пошло.

Подозрительно похоже на то, что я говорила в прошлом месяце, объясняя решение остаться у Джастина, ну да ладно...

— Ты будешь спать с ним, Тиффани! — не унимается Герти. — А первое правило совместного съема квартиры — не спать с соседом! Спроси кого хочешь.

— По-моему, Герти, тут имеется в виду другое, — иронизирую я. — Видишь ли, иногда, говоря «спать вместе», люди подразумевают...

Герти смотрит на меня в упор.

— Да, Тиффани, спасибо.

Мо тихонько прыскает, но тут же затыкается под свирепым взглядом подруги.

— А я бы сказал: первое правило — узнать, что это за человек, — говорит он, ловко переводя внимание Герти обратно на меня. — Особенно при таких обстоятельствах.

— Естественно, я сперва познакомлюсь с Л. Туми. И если не поладим, не перееду.

Мгновение спустя Мо кивает и сжимает мне плечо. Погружаемся в молчание, как бывает после тяжелого разговора, когда и рад, что все позади, и доволен, что неплохо справился.

— Ладно, — сдается Герти и обводит взглядом комнату. — Ладно. Поступай, как знаешь. Все лучше, чем это убожество. — Она широким шагом направляется к выходу и напоследок бросает риэлтору: — Проходимец!

Тот моргает. Герти хлопает дверью. Воцаряется неловкая тишина.

Риэлтор гасит сигарету и спрашивает:

— Так что, берете?

Я приезжаю в издательство рано и падаю в кресло. Сейчас именно рабочий стол дарит мне наибольшее ощущение дома. Райский уголок из недовязанных шарфов, вещей, которые неохота везти домой в автобусе,

и цветочных горшков, поставленных так, чтобы видеть всех приближающихся еще до того, как они поймут, на месте я или нет. Коллеги помоложе, все как один, считают горшочную стену потрясающей декоративной находкой. Если честно, надо просто выбрать растения под цвет волос — рыжих в моем случае, — и тогда можно, если что, пригнуться или незаметно улизнуть.

Первая задача на сегодня — встреча с Кэтрин, одной из любимых моих авторов. Кэтрин пишет книги о вязании. Покупает их узкий круг любителей, но именно на таких и специализируется «Баттерфингерс-пресс»* — мы обожаем нишевую аудиторию. Наша фишка — рукоделие и книги из серии «Сделай сам». Окрашивание простыней, платья собственного кроя, связанный крючком абажур, мебель из лестниц и прочее в том же духе.

Обожаю свою работу. Как объяснить иначе, что три с половиной года я проработала помощником редактора, получая ниже лондонского прожиточного минимума, и ни разу не попыталась исправить ситуацию, скажем, устроиться в действительно успешное издательство. Герти любит время от времени объявить, что мне не хватает целеустремленности, однако причина не в этом. Просто я безумно люблю то, что делаю. В детстве я целыми днями читала или возилась с игрушками, меняя их на свой вкус: красила волосы Барби или разрисовывала пластмассовый экскаватор. А теперь зарабатываю на жизнь чтением и рукоделием.

Правда, не то чтобы зарабатываю. Так, немножко, но как раз столько, чтобы платить налоги.

— Говорю тебе, Тиффи, вязание крючком — это новые раскраски для взрослых! — заявляет Кэтрин, устроившись в нашей лучшей переговорке, чтобы поведать о новом проекте.

* Неумеха (англ.).

Гляжу на устремленный в меня палец. На каждой руке у Кэтрин штук пятьдесят колец, и мне еще предстоит определить, есть ли среди них обручальные. Если есть — точно не одно.

Кэтрин эксцентрична на грани разумного: у нее соломенная коса, красиво стареющая загорелая кожа и богатый репертуар историй о том, как в шестидесятые она куда-то там врывалась и на что попало мочилась. До сих пор она не носит лифчик, хотя теперь они вполне себе удобные, и большинство женщин плюнули на борьбу за свои права, предоставив это Бейонсе.

— Хорошо бы... — отвечаю я. — Может, добавить подзаголовок со словом «осознанное»? Процесс же осознанный? Ты в него включаешься? Или выключаешься?

Кэтрин смеется, закидывая голову.

— Тиффи, у тебя дурацкая работа! — Ласково похлопывает меня по руке и тянется за сумочкой. — Этот ваш Мартин... Передай ему, что я не буду давать мастер-класс ни на каком пароходе, если мне не предоставят очаровательную юную помощницу.

Тяжело вздыхаю. Все ясно. Кэтрин обожает таскать меня по мероприятиям, для которых нужна живая модель, чтобы продемонстрировать, как снимаются мерки. Однажды я совершила роковую ошибку, предложив свои услуги, когда она не могла никого найти. Теперь я ее палочка-выручалочка. Наши пиарщики так стараются затащить ее на подобные мероприятия, что стали донимать и меня.

— Еще чего — тащиться в такую даль! Ни в какой круиз я не поеду.

— Бесплатно! Люди тысячи фунтов за такое отваливают, Тиффи!

— Ты едешь только до острова Уайт, — напоминаю. Мартин уже ввел меня в курс дела. — И потом, в субботу. Я по выходным не работаю.

— Какая же это работа? — упорствует Кэтрин, собирая бумаги и в полном беспорядке запикивая их в сумочку. — Чудесная морская прогулка вместе с подругой... Мной то есть. Мы же подруги?

— Я твой редактор! — отвечаю я и выталкиваю Кэтрин за дверь.

— Все-таки подумай, Тиффи! — невозмутимо бросает она через плечо. Замечает Мартина и добавляет: — Мартин, зайка, если она не согласится, то я — тоже! С ней и решай!

Кэтрин удаляется, и о визите ее напоминает лишь покачивание наших заляпанных пальцами стеклянных дверей.

Мартин поворачивается ко мне.

— Клевые ботинки! — говорит он с обаятельной улыбкой.

Вздрагиваю. Терпеть не могу этого Мартина из отдела по связям с общественностью. На совещаниях он щеголяет фразами вроде «претворим в жизнь» и щелчком пальцев подзывает Руби, маркетингового директора, которую почему-то считает личным помощником. Мартину всего двадцать три, но он вбил себе в голову, что, если казаться старше, это поможет ему в беспардонном продвижении по карьерной лестнице. Вечно он над всеми подтрунивает и пристаёт к нашему директору с разговорами о гольфе.

А ботинки и правда великолепны. Фиолетовые, под «мартенсы», с белыми лилиями, на рисование которых у меня ушла почти вся суббота. От расставания с Джастином творчество мое определенно выиграло.

— Спасибо, — отвечаю я, незаметно пятясь к безопасной гавани рабочего стола.

— Лила сказала, ты ищешь жилье?

Замираю. С чего он вдруг? Не к добру, нутром чую.

— Мы с Ханой сдаем комнату. Решил сказать лично, хотя ты, наверное, уже видела объявление в «Фейс-